

Ци Чэнь нахмурился, припоминая недавние события, и многозначительно сказал стоявшему рядом Даосскому Наставнику Сюаньчэню:

— Наставник, сначала проверьте вы. Если что-то случится — зовите меня.

Ин Яньцзюнь, не задумываясь, кивнул и поспешно направился к покоям молодого господина. Не колеблясь ни секунды, он распахнул дверь и вошёл внутрь.

В комнате витал густой аромат спелых персиков. Ин Яньцзюнь тревожно нахмурил изящные брови и подошёл к кровати молодого господина. У изголовья валялась чашка — упав, она раскололась надвое.

Молодой господин свернулся клубком под одеялом, лицо залито румянцем, лоб покрыт испариной — он выглядел так, словно у него сильный жар.

— Молодой господин... — Ин Яньцзюнь сел у края постели и негромко позвал. Тот вяло приоткрыл глаза, тут же вновь сомкнул их от усталости.

Он поднял руку и коснулся лба юноши. Кожа была обжигающе горячей. Ин Яньцзюнь с тревогой нахмурился и аккуратно помог юноше приподняться. В нос ударил сладкий персиковый аромат.

Невозмутимый прежде Даосский Наставник на мгновение растерялся. Казалось, этот запах исходил от самого молодого господина.

Сюй Яньцин чувствовал, как всё тело горит — жар, будто расплавляющий его изнутри. Это было невыносимо. Он наугад стал тереть одежду, но ни малейшего облегчения не наступило.

— Жарко... Мне так плохо... — простонал он, измученный. Перестал метаться, разжал пальцы, и просто тихо прижался к Даосскому Наставнику Сюаньчэню, вцепившись в его одежду и беззвучно плача.

Скоро значительная часть одежды Ин Яньцзюня промокла от слёз молодого господина. Ин Яньцзюнь беспомощно протянул руку, бережно вытер слёзы с его щёк и мягко уговорил:

— Молодой господин, не засыпайте. Я сейчас позову молодого доктора Ци.

— Бесполезно... — голос молодого господина был слегка охрипшим. Грудь его стремительно вздымалась от горячего дыхания, глаза покраснели, а обычно бледные щёки залил неестественный румянец.

У Ин Яньцзюня на душе стало тяжело, будто туда набили тёплой, влажной ваты. Он испытывал смутную жалость к юноше.

— Молодой господин, будьте хорошим мальчиком, послушайте. Без доктора вы не поправитесь.

Обычно апатичная, как солёная рыба на сушке, душа молодого господина сейчас путалась в жару и тревоге. Сначала, свернувшись калачиком в постели, он даже радовался — думал, наконец-то сможет заснуть. Но внезапные приливы жара, которые он считал утихшими, вернулись с пугающей силой.

Он поднял глаза на размытый силуэт даосского наставника. Из-за слёз его тёмные глаза казались особенно яркими, а влажные ресницы делали взгляд беззащитным и жалким.

— Бесплезно звать доктора... Разве наставник не заметил, что Ци Чэнь даже не пришёл?! — голос был едва слышен, и с каждым словом по щекам юноши вновь готовы были скатиться слёзы.

Ин Яньцзюнь тихо вздохнул, протянул руку и мягко погладил пухлую щёку молодого господина, стирая свежие слёзы:

— Тише... Не плачьте. Послушайте меня.

Сюй Яньцин послушно смотрел на стоящего перед ним наставника. Ему было невыносимо плохо, и он не знал, как себе помочь. Всё происходящее, всё это странное, мучительное чувство исходило от этого человека перед ним.

Словно в отместку, он внезапно склонился и вцепился зубами в шею даосского наставника. К счастью, даже будучи в полубреду от жара, он не забыл сдержаться и не приложил полной силы.

Ин Яньцзюнь приглушённо охнул, но не отстранился. Сюй Яньцин в тумане ощущений почувствовал его молчаливое позволение. Он нехотя разжал зубы, устался на след укуса и осторожно коснулся его пальцами:

— Прости... Я не хотел. Просто слишком плохо...

Пальцы Ин Яньцзюня ласково скользнули по нахмуренным бровям и влажным глазам молодого господина. Его кожа была необычайно нежной, такой, что даже лёгкое прикосновение могло оставить след на утончённом лице.

Тёплые пальцы скользнули к его ресницам. Сюй Яньцин моргнул, растерянно глядя на него, не понимая, сердится ли наставник.

Мягкие ресницы щекотали пальцы Ин Яньцзюня, вызывая лёгкое покалывание. В его глазах промелькнула тень — и он медленно опустил руку.

Словно охваченный наваждением, Сюй Яньцин поймал его ладонь и прижал к затылку, точно так же, как в ту ночь, когда перелез через стену во внутренний двор. Он тихо прошептал:

— Наставник... если вы прикоснётесь ко мне, может, мне станет полегче...

Пальцы Ин Яньцзюня медленно массировали затылок юноши, мягко надавливая на нужные точки. Его движения были бережными, почти нежными.

Температура тела Сюй Яньцина была настолько высокой, что пальцы наставника казались холодными. Под этими прикосновениями он уютно устроился в его объятиях, словно избалованный кот, прижавшийся к любимому хозяину.

На лице Ин Яньцзюня появилась тёплая улыбка — он медленно гладил юношу от макушки до шеи, будто потешая кошку в императорском дворце.

Но это облегчение длилось недолго. Жар вновь накатил, на этот раз ещё сильнее.

Ин Яньцзюнь почувствовал, как температура молодого господина снова растёт. Сладкий аромат персиков в комнате тоже становился насыщеннее с каждым мгновением.

Глаза Сюй Яньцина затуманились. Он нахмурился, вцепившись в одежду наставника, его

горячее дыхание обжигало грудь Ин Яньцзюня, словно требуя, чтобы тот разделил с ним этот мучительный жар.

— Я точно умру... Наставник Сюаньчэнь, я умираю... — Сюй Яньцин устремил взгляд на след укуса на шее Ин Яньцзюня. Полуприкрыв глаза, как будто прощаясь, он поднял палец к своему затылку: — Наставник... вы тоже укусите меня. А то я и после смерти не успокоюсь.

Это было слишком стыдно — сорваться на наставнике без всякой причины. Раз уж укусил, пусть теперь и его укусят в ответ. Тогда «вкус» точно будет справедливым.

Насыщенный аромат персиков почти затопил Ин Яньцзюня. Запах был сильным, но вовсе не резким, а наоборот — тёплым, пряным, с невыразимой сладостью.

Сюй Яньцин крепко обнял даосского наставника. Тот хотел было принести тёплой воды, чтобы обтереть его, но как бы ни уговаривал, юноша не отпускал, всё продолжал тыкать пальцем в шею:

— Наставник, кусайте быстрее! Вдруг вкус как у тушёной свинины! Сейчас не укусите — потом поздно будет отомстить!

Жар в теле Сюй Яньцина становился всё невыносимее. Ин Яньцзюнь понял, что без уступок не выберется отсюда, и, чтобы хоть немного успокоить его, мягко кивнул:

— Хорошо, я укушу.

Сюй Яньцин довольно заурчал и честно устроился на плече наставника, готовясь к скорой боли. Возможно, за этим укусом последует и его конец. Какая же жалкая участь у солёной рыбы...

Ин Яньцзюнь пристально смотрел на нежную, белоснежную шею молодого господина. Он всего лишь хотел слегка, символически прикусить её, чтобы успокоить юношу, сознание которого было затуманено жаром.

Он открыл рот и медленно склонился, касаясь губами затылка. По мере приближения аромат сладких персиков становился всё отчётливее.

Дыхание Даосского Наставника коснулось кожи, и следом Сюй Яньцин ощутил тёплую, влажную прохладу его рта. Казалось, кожа на затылке стала особенно чувствительной, словно спелый персик — достаточно лёгкого прикосновения, чтобы она лопнула.

Сюй Яньцин неловко шевельнулся, и в этот момент зубы Даосского Наставника случайно царапнули его кожу. Он даже не успел по-настоящему укусить — белоснежная шея юноши сразу покраснела, будто по ней прошли тонкой чертой.

— Мм... больно, — пробормотал Сюй Яньцин. Жар немного спал, разум прояснился. Он потянулся, чтобы коснуться шеи, но Даосский Наставник перехватил его руку.

— Тише. На шее царапина. Я сейчас принесу лекарство.

Ин Яньцзюню наконец удалось осторожно отстранить от себя юношу.

Но стоило ему подняться, как Сюй Яньцин указал на платяной шкаф:

— Там лекарство. Ци Чэнь заранее приготовил.

Ин Яньцзюнь подошёл и действительно обнаружил под шкафом деревянную коробку. Он достал её, поставил у кровати и открыл. Внутри лежали разнообразные лекарства и свернутый рулон мягкой чистой марли.

Это была простая аптечка, которую Сюй Яньцин собрал в свободное время. Он заранее попросил у Ци Чэня немного снадобий — на всякий случай.

Ин Яньцзюнь открыл один из флаконов, осторожно понюхал содержимое, после чего смочил марлю и начал аккуратно обрабатывать шею Сюй Яньцина, где выступили две капли крови.

— Наставник, осторожнее... больно... — Сюй Яньцин чувствовал, что жар понемногу уходит, остаётся только лёгкое жжение. А терпеть боль он не умел — и не мог не пожаловаться.

Ин Яньцзюнь промыл рану, посыпал её порошком и, только убедившись, что всё в порядке, закрыл аптечку. Однако молодой господин не позволил ему убрать её.

Он сам взял у него пузырёк с лекарством, достал чистую марлю, смочил её и приложил к покрасневшей и слегка припухшей шее наставника — туда, где ранее укусил.

С оттенком раскаяния он произнёс:

— Простите... Я был в бреду, не смог себя сдержатъ.

Ин Яньцзюнь, разумеется, не стал сердиться. Он спокойно протянул руку и коснулся лба молодого господина. Жар заметно спал. Хотя вопросы оставались, тревога, сковывавшая его весь вечер, наконец отступила.

— Вы весь вспотели. Сходить, вскипятить воды, чтобы вас обтереть?

Сюй Яньцин удержал Даосского Наставника, который уже было собрался встать:

— Не стоит утруждаться, наставник. Вы и так сегодня слишком много сделали. Идите отдыхать. Завтра утром Му Ю вскипятит воду для купания.

На самом деле протрезвевшая «солёная рыба» чувствовал себя крайне неловко. Он потерял над собой контроль прямо перед Даосским Наставником, вёл себя как капризный безумец... Да ещё теперь хотел, чтобы этот благородный и уважаемый человек кипятил для него воду? Нет уж!

— Хорошо, тогда молодой господин ложитесь. Ночью может быть холодно — не простудитесь снова.

Ин Яньцзюнь не стал настаивать. Он просто сел у края кровати, молча глядя, как юноша засыпает.

Сюй Яньцин так и не смог выгнать его. Под спокойным, терпеливым взглядом наставника он чувствовал себя чересчур избалованным. Чтобы хоть как-то скрыть смущение, он быстро нырнул под одеяло и крепко зажмурился.

Ночь вымотала его до последней капли. Стоило лечь, как усталость накрыла с головой, и он быстро заснул.

Ин Яньцзюнь ещё немного посидел у кровати, затем его взгляд упал на разбитую чашку у изголовья. Он собрал осколки, взял другую чашку, налил в неё горячей воды и поставил на

табуретку рядом, после чего тихо вышел.

Ци Чэнь ещё не спал. Услышав звук закрывающейся двери в соседней комнате, он вышел в коридор. Увидев Сюаньчэня, спросил:

— С молодым господином всё в порядке?

Ин Яньцзюнь не ответил сразу. Вместо этого он кивнул в сторону столика с табуретами в саду:

— Можем поговорить?

Даосский Наставник Сюаньчэнь всегда выглядел сдержанным и величественным. Ци Чэнь на мгновение опешил, но, увидев, что тот уже разворачивается, быстро и молча пошёл следом.

— Наставник хочет узнать о здоровье молодого господина? — Ци Чэнь без труда понял, что именно собирался спросить Даос, поэтому заговорил прямо, без обиняков.

Ин Яньцзюнь растирал в пальцах остатки порошка от лекарства, а сам внимательно смотрел на Ци Чэня:

— Молодой лекарь Ци... вы тот самый наследник рода Ци из столицы?

Ци Чэнь удивлённо поднял глаза на Даосского Наставника, затем кивнул:

— Да.

Взгляд Ин Яньцзюня оставался спокойным:

— О вас давно ходят слухи, молодой лекарь. В столице вам дана высокая оценка. Поэтому мне непонятно: чем же болен молодой господин, если даже вы, обладая знаниями своего рода, не можете с этим справиться?

Ци Чэнь тяжело вздохнул:

— На самом деле, молодой господин не болен. Можете считать, что он... мужчина, но при этом беременный. А это противоречит основам инь-ян, потому дискомфорт вполне закономерен.

— Из-за ребёнка в его чреве? — тихо повторил Ин Яньцзюнь. — Есть ли способ облегчить его состояние? Иначе, если он будет продолжать мучиться, это может повредить его телу.

Выслушав это, Ци Чэнь осмелился прямо взглянуть на Наставника:

— В таком случае, могу ли я задать вам вопрос?

Ин Яньцзюнь кивнул:

— Спрашивайте, молодой лекарь.

— Отец ребёнка, которого вынашивает молодой господин, — это ведь вы, наставник Сюаньчэнь?

Он, по сути, уже знал ответ, но хотел услышать подтверждение.

Ин Яньцзюнь на мгновение застыл, но потом медленно и сдержанно кивнул:

— Да.

Ци Чэнь понимающе кивнул:

— Тогда это даже хорошо. Наставник, вы не замечали, что каждый раз, когда вы рядом, молодой господин и телом, и разумом становится спокойнее?

Он опасался, что Сюаньчэнь его не поймёт, поэтому сделал паузу, подбирая слова, и продолжил:

— На самом деле, у многих женщин во время беременности возникают подобные состояния. В такие моменты очень важно, чтобы отец ребёнка был рядом. А у молодого господина ситуация куда тяжелее, чем у обычной женщины. Нести ребёнка — это не личная ноша, наставник. Ему нужна ваша поддержка, и плод в его утробе тоже нуждается в вашей заботе.

Ци Чэнь думал, что объяснять будет трудно, но не успел сказать и половины, как Даосский Наставник уже утвердительно кивнул.

Поэтому он не стал вдаваться в подробности, просто дал наставнику несколько рекомендаций, на что стоит обратить внимание в этот период, и вернулся к себе.

Ин Яньцзюнь остался сидеть в саду. Его осанка по-прежнему была пряма, как ствол сосны, но в глазах скользила тень задумчивости.

Какими он помнил беременных женщин? Вспыльчивыми, капризными, склонными к слезам и упрямству... Но всегда при них были служанки и няньки — никогда другой родитель.

И вот сейчас он, сам почти тридцатилетний император, вдруг понял, что абсолютно не готов быть отцом. Он был растерян куда больше, чем молодой господин, который носил под сердцем ребёнка.

Он встал, прошёлся по саду туда-сюда, и, не находя покоя, уселся обратно и стал негромко читать нараспев Дао Дэ Цзин (Классический трактат о добродетели Дао (автор - древний философ Лао Цзы). Только затем вернулся в свою комнату.

На следующее утро все взгляды — и Ин Юаньчэна, и Вэнь Цзина, и даже Му Ю с Ци Чэнем — были прикованы к шее Ин Яньцзюня. След от укуса бросался в глаза.

— Дядюшка-наставник, а что с вашей шеей? — не выдержал Ин Юаньчэн и спросил напрямую.

Остальные тут же наострили уши: неужели прошлой ночью произошло нечто интересное, о чём они не знали?

Ин Яньцзюнь спокойно поставил чашу с кашей:

— Ешьте. Я возвращаюсь к себе.

Все про себя подумали: «Как скучно».

Они молча смотрели на невозмутимого и величественного наставника Сюаньчэня, каждый гадая, кто осмелился посягнуть на столь непорочного и отрешённого человека.

Ин Юаньчэн лениво поднял маньтоу. Аппетит у него в последнее время заметно разыгрался.

Жуя, он обернулся к Му Ю:

— Твой молодой господин сегодня поздно встал.

— Ничего подобного, — Му Ю покачала головой. — Ему вчера плохо было, вот он сейчас у себя купается.

В этот момент дверь открылась, и из комнаты вышел Сюй Яньцин в свободной домашней одежде. Он неспешно подошёл к столу, взял из рук Му Ю чашу с кашей и сделал глоток:

— А кукурузы в каше нет?

— Тётушка Ли сказала, что кукуруза закончилась, — с улыбкой пояснила Му Ю. — Если молодой господин хочет, я потом сбегаю в поле и соберу початки.

— Что?! Ты тут недавно, а уже кукурузу посадила?! — Ин Юаньчэн смотрел на неё с выражением искреннего шока.

Сюй Яньцин окинул его взглядом, в котором сквозило изумление: неужели тот самый Юный Маркиз Ин, которого в столице считают образцом благородства и рассудительности... настолько, хм, недалёкий?

Наивная Му Ю честно ответила на вопрос Ин Юаньчэна:

— Конечно нет. Большая часть земли, принадлежащей нашему поместью Уань-хоу, давно распределена между старостами боковых ветвей семьи. Мы просто идём и срываем кукурузу с их полей — сколько захотим. В общем, кукурузы много.

Ин Юаньчэн в тот момент тоже задался вопросом: как он мог задать такой глупый вопрос? Но гордость не позволяла ему признать это вслух. Он молча сделал вид, будто ничего не случилось, надеясь, что и остальные не заметят его неловкости.

Погода выдалась хорошая. Му Ю и остальные ещё не успели отправиться за кукурузой, как Ин Юаньчэн уже собрал свои вещи.

— Молодой господин Сюй, я пришёл проститься. Дядюшка-наставник и Вэнь Цзин останутся в деревне Сюй ещё ненадолго... Надеюсь, ты... не будешь слишком уж себя вести.

Слова Ин Юаньчэна были с намёком, но Сюй Яньцин лишь озадаченно поднял глаза:

— А что я сделал «слишком»? Сам не знаю... Или ты про то, что я укусил наставника Сюаньчэна прошлой ночью?

Он сам себя и выдал.

Ин Юаньчэн с шумом швырнул багаж на стол перед Сюй Яньцином, лицо его налилось краской, он выглядел, как разъярённая рыба-фугу на грани взрыва:

— Сюй Яньцин!.. — Он ткнул пальцем ему в нос, задохнулся от возмущения, но слов так и не нашёл.

Сюй Яньцин понял, что сболтнул лишнего, и поспешно объяснил:

— Маркиз, всё не так, как ты думаешь. Я, возможно, лунатил... Потом я даже сам разрешил

наставнику укусить меня в ответ! Всё по-честному.

— Ты... ты... ты... просто бессовестен! — Ин Юаньчэн не только не успокоился, а, напротив, взбесился ещё сильнее. Он было собрался идти жаловаться императору, но тут вспомнил вчерашнее наставление — относиться к Сюю с уважением. Поэтому он развернулся и с тяжёлым дыханием пошёл прочь.

Окинув Сюй Яньцина последним злобным взглядом, он схватил сумку и вышел.

— Даос Юаньчэн, вы пешком в уезд пойдёте? — невинно поинтересовалась Му Ю, заметив, как он с мрачным лицом выскочил из покоев их молодого господина.

Всё пламя его гнева тут же угасло. Ах да... они же приехали на аптечной повозке. Пойти пешком сейчас означало бы сломать себе ноги.

— Даос Юаньчэн сегодня уезжает? — раздался голос Ци Чэня, вернувшегося с гор с корзиной трав. — Я как раз видел, как дядюшка Хуцзы направляется в уезд. У него воловья повозка — можно подвезтись.

И вот, Сюй Яньцин с прислугой стояли у обочины дороги, громко махая руками и напутствуя Юаньчэна добрыми пожеланиями — «счастливого пути», «пусть дорога будет лёгкой» и прочее в том же духе.

Ин Юаньчэн взглянул в небо: Какое унижение... Совсем не чувствую поддержки.

Воловья повозка скрипела вперёд. Народу в ней набилось немало, сидеть было тесно. Один из попутчиков завёл разговор:

— Юноша, ты ведь из рода А-Цина, да? Красавец какой! Лицо прелестное!

Ин Юаньчэн уже хотел сказать, что он вовсе не родственник Сюй Яньцина, но, услышав столько комплиментов, стушевался и только молча кивнул с натянутой улыбкой.

— Я так и знала! — засмеялась бабушка, и вскоре вся компания, словно старые знакомые, весело болтала с Юаньчэном, пересказывая деревенские байки и истории о юности Уань-хоу. Ин Юаньчэн, к своему удивлению, даже начал получать от этого удовольствие.

Хм. Хотя Сюй Яньцин — человек сомнительный, вот Маркиз Уань, похоже, и впрямь достойный. Его уважают даже в таких глухих местах...

Вскоре после отъезда Ин Юаньчэна из своей комнаты вышел Ин Яньцзюнь. Он сменил одежду на охристо-жёлтое даосское облачение — лёгкое, простое, подчёркивающее его изящество. Он казался высоким и прямым, как молодой бамбук.

— Даос Юаньчэн уже уехал. Жаль, наставник Сюаньчэнь не успел попрощаться, — с ноткой неуверенности в голосе пробормотал Сюй Яньцин, слегка отводя взгляд.

После вчерашнего неловкого случая он ощущал какое-то странное смущение рядом с Ин Яньцзюнем.

Ин Яньцзюнь всё понял — и с лёгкой улыбкой подыграл:

— Юаньчэн в детстве жил при мне, поэтому всегда чувствовал особую привязанность. Увидь он

меня перед отъездом — обязательно бы прослезился.

Сюй Яньцин тут же оживился — он обожал чужие неловкости:

— Неужели у этого спокойного и уравновешенного Юаньчэна в детстве тоже бывали слёзы?

В глазах Ин Яньцзюня промелькнула тёплая улыбка:

— Конечно. Не обманывайся его нынешней сдержанностью. В детстве он был пугливым и ранимым ребёнком.

На самом деле, дело было не в том, что Юаньчэн был хрупким по натуре — просто времена тогда были трудные, и он рано столкнулся с несправедливостью. Ребёнок страдал за дядю, но не мог этого показать, и слёзы прятал от всех.

Но Сюй Яньцин о том прошлом не знал. Он с восторгом слушал, как наставник делится забавными историями про Юаньчэна, пока не заметил, как Му Ю с корзиной направляется к выходу.

Тотчас он окликнул её, помахал рукой и выхватил у неё бамбуковую корзинку, тряхнув ею перед наставником:

— Наставник, пойдёте со мной собирать кукурузу?

<http://bllate.org/book/12638/1120938>